

НАТАЛИЯ СМИРНОВА

Родилась в 1974 году в г. Королёв Московской области. Живёт в Омске. Окончила факультет искусств Омского государственного педагогического университета. Работает преподавателем изобразительного искусства в детской художественной школе № 1 им. Саниных. В литературно-краеведческом альманахе «Таряне» публикуется впервые.

ЧЕЛОВЕК ЖИВ, ПОКА ЖИВА ПАМЯТЬ О НЁМ

*к 100-летию со дня рождения
заслуженной артистки РСФСР
Людмилы Алексеевны Вельяминовой
(Нюхаловой)*

В народе говорят: «Человек жив, пока жива память о нём». Я хочу поделиться с вами воспоминаниями об очень дорогом мне человеке, моей бабушке – Людмиле Алексеевне Вельяминовой (в девичестве Нюхаловой).

1 ноября 2023 года ей бы исполнилось 100 лет, но она не дожила до юбилея. Ушла от нас ранним утром 16 июля 2012 года, на 89-м году жизни. Она оставила свои воспоминания, которые начала писать по нашей просьбе, – четыре тетради, исписанные простой шариковой ручкой. Благодаря бабушке мы знаем судьбу своих родных, а она была ой какой нелёгкой.

Родилась бабушка 1 ноября 1923 года в городе Барабинске.

Из воспоминаний бабушки¹

«Семейная легенда рассказывает, что один из представителей рода Пальчевских служил в Сибири в армии Российской империи 25 лет. И когда наконец вернулся домой в Польшу, где был голод, рассказал, что в Сибири калачи на берёзах растут, нужно только работать. Пальчевские были большими умельцами. Они делали кровлю для высоких зданий. Собрались и все поехали из Варшавы в сибирский городок Тюкалинск (под Омском)². Моей бабушке было тогда три года, но она помнила, как ехали на лошадях и отпугивали волков зажжёнными головешками.

Семья была большая: мой прадедушка Валентин, прабабушка Михалина и пятеро их детей: Леокадия, Валентина, Евгения, Болеслава и сын Вацлав».

Леокадия (это моя прапрабабушка) очень хорошо училась, и ей предложили продолжить учебу в гимназии за казённый счёт. Но её отец сказал, что девочке это не нужно, и она стала учиться шить. К семнадцати годам умела шить всё: от шуб до белья. В это время её семья жила уже в Томске. Женщины готовили обеды не только для своих, но и для студентов, которые приходили к ним обедать за плату. Среди так называемых «нахлебников» был Павел Иванович Тхоржевский. Он учился на машиниста паровоза. Тогда это была очень престижная и востребованная в Сибири профессия.

«Закончив курс, он пришёл попрощаться и с семьей, в которой обедал. Подойдя к Леокадии, Павел сказал: “А вас я любил как сестру”. Тут Лёдя (так звали её в семье) не растерялась и спросила: “Только как сестру?” И вышла замуж, и стала Леокадией Валентиновной Тхоржевской. Родились дети: Лёва и Янина³. В те годы работников железных дорог часто переводили по усмотрению начальства на разные

станции, поэтому семье пришлось много поездить. Жили очень дружно. Любили природу, книги, театр, умели играть на различных музыкальных инструментах и красиво петь хором. Дома часто звучали разговоры о работе, поэтому с раннего детства я знала название многих станций, звучавших загадочно-красиво: Тайга, Зима... В день полочки Валентин Иванович покупал сладости и раздавал всем встречным детям. Был случай, о котором часто рассказывали в семье. В городе Томске, во время революции 1905 года мой дед попал в тюрьму (сидел, кажется, вместе с Кировым). Леокадия тогда взяла двух своих маленьких детей и пошла на приём к губернатору. И надо же – деда выпустили на поруки жены. Губернатор – человек в возрасте, видя совсем молоденькую женщину с двумя крохотными детьми, сказал: “Деточка, смотри за мужем лучше”».

Отец моей бабушки, Алексей Семёнович Нюхалов, 1895 года рождения, происходил из рода потомственных донских казаков. В архивных книгах можно найти информацию о том, что во времена Ермака существовал Нюхаловский форпост. Алексей Семёнович воевал в Первую мировую войну. Однажды в бою он заменил погибшего командира полка, принял командование на себя. За что был награждён Георгиевским крестом и получил офицерское звание. Во время Гражданской войны он жил в городе Барабинске, где и познакомился с Яниной Павловной Тхоржевской. Они работали вместе на телеграфе связистами. И, как это бывает у молодых, полюбили друг друга. Поженились. Вскоре у них родилось двое детей: Людмила и Лёвушка, названный в честь дяди Лёвы. Вся семья переехала из Барабинска в Новосибирск.

«Помню, папа, высокий, худощавый, несёт меня, закутанную, ночью через виадук. Огни на железнодорожном полотне,

¹ Здесь и далее курсивом выделены воспоминания Л. А. Вельяминовой (прим. редакционной коллегии)

² Моей бабушке было тогда три года, но она помнила, как ехали на лошадях и отпугивали волков зажжёнными головешками (прим. автора).

³ Мама моей бабушки (прим. автора).

когда я щурю глаза, напоминают бубновые значки на игральных картах. Новосибирск – мой любимый город. Я его часто вижу во сне. Когда мне было лет пять-шесть, как всегда, мой дядя Лёва принёс билеты для всей семьи в Новосибирский театр “Красный факел”. Там, видимо, гастролировал хороший балет, ставили “Коппелию”. Я сидела как зачарованная. Это было потрясение. Потрясли меня не танцы, не красота. Я была потрясена рассказанной мне историей о старом кукольном мастере и его кукле. Кукла сидела в окне и время от времени приветствовала людей: кланялась и обмахивалась веером. И в неё влюбился молодой человек и, приходя под окно, ждал поклона. Но коварная девушка, влюблённая в этого юношу, вытащила куклу из окна, надела её платье и вышла на свидание к этому молодому человеку. А старый мастер решил, что он дошёл в своём мастерстве до совершенства и что это его кукла так танцует и живёт. Каково же было его разочарование, когда всё открылось! Я больше никогда не видела этого балета, но всё помню. Мне очень было жаль старого мастера, куклу и молодого человека! И я думала, какие прекрасные люди, которые были на сцене и рассказали мне эту историю и подарили мне такое счастье. Рассказали мне о любви, о мастере, о коварстве и горе. Они счастливые волшебники. Я в раннем детстве видела чудесные спектакли: “Принцессу Турандот”, “Дон Кихота” в Новосибирском ТЮЗе. Первые фильмы потрясли меня: “Подруги” с Зоей Фёдоровой, Яниной Жеймо и с Зарубиной. Я уливалась слезами и спрашивала, как это люди жили, а их снимали? Нет, отвечали мне, это артисты играли. В душе прозвучало: я хочу к ним. Я хочу так же рассказывать другим людям о радости, о счастье, о жизни. Эта мечта была со мной всегда.

Эта мечта сбудется, но нескоро.

Грянул страшный 1937 год. Были арестованы один за другим Павел Иванович Тхоржевский, его сын, Лев Павлович, и Алексей Семёнович Ньюхалов. Бабушка тогда училась в шестом классе. Она помнила это всю жизнь: ночью постучали, всех подняли, сделали обыск, ничего не нашли и увели её отца. Попрощаться не дали. Последнее, что он услышал, был крик Янины: «Алёша!».

Так в одночасье семья потеряла всех своих дорогих мужчин (они были расстреляны в ноябре – декабре 1937 года, реабилитированы за отсутствием состава преступления). Леокадия Валентиновна Тхоржевская решила переехать из Новосибирска в Тару, чтобы спасти от возможного ареста свою дочь Янину. Случаи, когда арестовывали всех членов семьи, не были тогда редкостью. Как теперь известно, были даже лагеря для жён «врагов народа».

«Прибыли в Омск. Из Омска ехали в кузове грузовой машины по льду Иртыша. Он был покрыт водой и трещал под колёсами, так как уже была весна. Ночью останавливались среди поля. Машин было несколько, и везде женщины и дети на узлах. А когда всем становилось невозможно от тяжёлых дум, моя бабусечка⁴ доставала гитару и начинала петь.

Тара была тихим городком. Деревянные дома, кое-где виднелись кирпичные строения, деревянные тротуары. Весной цвели яблони, черёмуха и сирень. И надо всем этим возвышались остовы разрушенных церквей, а над ними летали птицы. Жили трудно, дети учились в школе, женщины работали где только могли. Их выручало то, что они умели шить и вязать. 5 ноября 1940 года в возрасте 53 лет ушла из жизни Леокадия Валентиновна. Не выдержало сердце».

Спустя восемь месяцев грянет общая беда – ВОЙНА!

⁴ Леокадия Валентиновна Тхоржевская (прим. автора).

«Меня на лето после школы устроили поработать библиотекарем в медицинское училище. 22 июня, это был выходной день, и мы были с утра все за городом. Организовали молодёжь Тары рыть котлован для купания на маленькой речке, кажется, Аркарке. Было очень весело. Копали, таскали землю, пели, загорали, знакомились друг с другом. Помню высокого красивого парня – Алёшу Найчука. Он был постарше меня. Потом я встречусь с ним в театре города Тара. Он тогда уже вернулся с фронта, был ранен в руку. В передвижном театре мы часто были партнёрами в работе. В хороших спектаклях. Помню “Глубокие корни”, он – Бретт, я – Нэвви. “Под каштанами Праги”, я – Божена, он – русский офицер. В спектакле по пьесе “Не всё коту масленица” он играл купца Ахова, я – Анечку. Он стал народным артистом и работал в Мурманске. А под вечер 22 июня 1941 года мы все, уставшие, но весёлые, возвращались в город. И сразу заметили, что в городе стояла поразительная тишина. И кто-то из редких прохожих сказал нам: “Война!”

Хлеб стали продавать по карточкам. Продукты в магазинах исчезли. Делать запасы было не на что. Жили только от зарплаты до зарплаты. И слушали сводки. И всегда верилось, что вот-вот что-то произойдёт и будет победа. Верилось, что победа всё равно будет, а сейчас надо потерпеть».

В маленьком городе найти работу было не так легко. Бабушка работала в библиотеке, в детском доме, переноса вместе с сиротевшими детьми все тяготы войны, но у неё не было специального образования, и, когда появился специалист, ей пришлось уйти на заготовку сельскохозяйственной продукции, а зимой на лесозаготовки. Как ни трудно жилось, она решила учиться и поступила в педагогическое училище. Но пришло новое испытание. 1 мая 1942 года был арестован Лев Алексеевич Ньюхалов – брат бабушки. Было ему тогда неполных 15 лет, а выглядел он ещё младше. Его обвинили по статье

58-10 ч. 2, 58-11 УК РСФСР (контрреволюционная агитация и участие в контрреволюционной организации). Приговорили к семи годам исправительно-трудовых лагерей (реабилитирован из-за отсутствия состава преступления). Приговор мог быть более суровым. Следователь, видимо, пожалел мальчишку, под расстрел не подвёл. Этого следователя потом отправили (может, он сам попросился) на фронт, и он погиб под Сталинградом. Первое время брат бабушки сидел в тарской тюрьме, а потом его перевели в колонию, которая находилась в пятидесяти километрах к югу от Омска. Сейчас на этом месте находится Ачаирский монастырь.

«И вот 1 мая вечером я и не собиралась никуда идти. Но пришёл курсант из Морской школы и очень просил меня не срывать им вечер, прийти на час, и потом меня проведут домой. И я пошла. Курсанты в красивой парадной форме сидели полукругом на сценке. Я в центре. Читала стихи – Блока “Россия”, Симонова “Жди меня” (это стихотворение только что появилось в газетах) и “Крутится, вертится шар голубой”. На концерте была одна знакомая девушка, и она потом мне сказала: “Ты так хорошо читала, так читала, как никогда больше не будешь!” Может быть, это и правда. Я читала с большим вдохновением. Так закончился этот страшный день 1 мая. Больше меня никуда не приглашали. Маму с работы уволили. С казённой квартиры попросили съехать. Переселились мы в какую-то небольшую комнатку, кажется, сдали мамыны сослуживцы. Воду носили на коромысле в ведрах из колодца. Нужно было крутить очень тяжёлую цепь. А зимой, когда всё обледенело, это сделать было очень трудно. В комнате стояла железная печурка, труба из которой была выведена в окно. На большую печь не было дров. Печурку маленькими полешками и щепками топили вечером докрасна. И почти одетые ложились спать. На потолке лежал снег. Мама не работала, всё узнавала о Лёве. Я иногда из библиотеки два полена заверну в газету и несу домой.

Основным питанием были две паечки хлеба. Накрошим в тарелку хлеб, зальём кипятком и капнем немного растительного масла, посолим. И с наслаждением едим, как мы называли, «брот-суп». Выменяли на картошку всё, что могли. Помню, были покрывала, тюлевые занавески, кое-что из одежды...

Во время войны всюду был голод, а нам надо было ещё и Лёве в передачу хоть что-то положить. Ни о какой сцене думать не приходилось. Задача была элементарно выжить. Я училась в то время в педагогическом училище и ходила на занятия с большой кастрюлей. Девочки из деревень, у которых дома было хоть какое-то хозяйство, отдавали мне свои талоны в столовую. Отстояв длинную очередь, я получала несколько порций пареной брюквы, складывала в кастрюлю и несла больной маме. А ещё в этих длинных очередях мы пели».

В Таре был театр, сформированный в основном из эвакуированных актёров – из Москвы, Украины, при нём театральная студия. На одном из смотров художественной самодеятельности бабушку увидел режиссёр этого театра, Евгений Павлович Пересветов, и пригласил её в театр. Бабушка удивилась, что за такое счастье ещё и деньги будут платить. Некоторое время спустя на занятия студии пришёл молоденький парнишка – Миша Ульянов. Так, практически детская любовь к театру стала их судьбой. После войны бабушка вместе с другими актёрами передвижного театра ездила со спектаклями по районам Омской области. Ей удалось два раза навестить брата в колонии.

«Наш театр через несколько дней должен был уехать. И я боялась, что если прямо сейчас не поеду к Лёве, то больше такого случая не представится. Я тогда была худенькой и хрупкой на вид девушкой, собрала узелок с какими-то продуктами и пошла на трассу, которая вела к колонии. До колонии – пятьдесят километров. Автобусы тогда в ту сторону не ходили, и я надеялась добраться на попутках.

На трассе ко мне подошёл милиционер и спросил: “Ты куда, девочка, собралась?” Я всё объяснила. Милиционер минуту подумал, а потом остановил проходящую машину и велел водителю добросить меня до колонии. Вскоре я оказалась у железного забора с колючей проволокой. Я постучала и на вопрос: “Кто?” тонким голосом пролепетала: “Я к Лёве Нюхалову”».

Её пропустили. Она всю жизнь удивлялась, что встречу разрешили... Что подействовало на охранников? Может, вид девушки, больше похожей на девочку, или её смелость, но брат и сестра встретились. Свидание было коротким.

Обратно моя бабушка шла пятьдесят километров пешком. Спустя два года брат и сестра встретились второй раз. Выйдя из колонии через семь лет, Лев стал работать вместе с сестрой в передвижном театре.

Многие годы я мечтала съездить в Тару. Там на кладбище похоронена моя прапрабабушка Леокадия Тхоржевская (Пальчевская). И вот несколько лет назад – свершилось. Шесть часов от Омска в одну сторону на маршрутке по ухабистой дороге, кажется, асфальт, и даже кусочек дороги был ничего, гладенький... Даже не могу представить, как бабуля, чуть старше 18 лет, на перекладных ездила из Тары в Ачаирскую колонию.

У моей бабушки было уже двое детей: сын Алексей (1946 г. р.) и дочь Наталья (1950 г. р.). Кочевать с маленькими нелегко, поэтому в поисках постоянной работы они с братом решили написать в разные театры. Получили приглашение в Абакан, где и проработали несколько лет. В Абакане бабушка вышла замуж и стала Людмилой Алексеевной Вельяминовой. В 1953 г. родилась моя мама – Екатерина Петровна Вельяминова, которая продолжает актёрскую династию. Более сорока лет служила в Омском ТЮЗе, в 2021 году приглашена в труппу Омского драматического театра «Галёрка».

Были в жизни бабушки и смешные моменты, о которых она любила рассказывать. Вот реальный пример. На каких-то сельских

гастролях Абаканского театра шёл спектакль по пьесе Ф. Дюмандора и А. д'Эннери «Дон Сезар де Базан». Пётр Вельяминов играл Дона Сезара, а бабушка – бойкого мальчишку. Ростом она была где-то между 150–154 см. После спектакля кто-то из зрителей спросил: «А что, мальчонку так всё время с собой и возите?» Администратор ответил: «У этого мальчонки трое детей!» – Зритель удивлённо спросил: «Да?! А кто у него жена?» Вот каким искусством перевоплощения владела моя бабушка.

В 1954 году она с мужем и детьми переехала в Тюмень, а в 1959-м – в город Дзержинск Горьковской области. К сожалению, брак распался, и она вместе с дочерьми в 1964 году уехала в далёкий Иркутск. Работа в Иркутском ТЮЗе стала её «звёздным часом». Она сыграла много разноплановых ролей: от восточного мальчика-принца в спектакле «Ваше высочество» и Конька-горбунка в одноимённой сказке до Нюры – главной героини в пьесе «После свадьбы» В. Розова. В 1975 году бабушка была удостоена звания заслуженной артистки РСФСР. И вот, находясь «на пике своей славы», в 1976 году она переезжает в Омск. Сделала она это ради младшей дочери, то есть моей мамы, окончившей Иркутское театральное училище. В театре вакансий не было. Приняли решение переезжать из любимого Иркутска в новый город и новый театр – Омский ТЮЗ.

В сердце моей бабушки всегда было место для любви к родным. Но любовь эта не была абсолютной, она была требовательной и всегда стремилась направить человека на правильный путь развития, совершенствования, изучения наук, специальности. Она не любила лишних эмоций и страданий, наверное, потому что их в её жизни было очень много. Она пережила 1937 год, расстрелы всех мужчин в семье и военный тыл, смерть любимой своей бабусечки, арест младшего брата, болезнь матери; всё остальное, казалось, не заслуживает слёз и нытья. Смелая, отважная, никогда и ничего не боялась, приняв решение, уже не сворачивала с пути

и шла к цели. Только за нас – своих детей, внуков и правнуков, только за нашу судьбу очень переживала. Может быть, в чём-то по отношению к нам она была излишне настойчива, но с другим характером она бы просто не выжила, а она выжила, дала возможность троим своим детям получить образование, заниматься любимым делом.

Работа в Омском ТЮЗе и у бабушки, и у мамы сложилась удачно. В ТЮЗе играла в спектакле по пьесе Полонского «Репетитор» Бабушку, фею Мелюзину в спектакле «Хрустальный башмачок» по пьесе Т. Габбе. В спектакле по пьесе Аллы Соколовой «Кто этот Диззи Гиллеспи» играла Бабушку, и много других ролей.

В 1985 году бабушка вышла на пенсию. Она решила посвятить себя мне, создать лучшие условия для успешной учёбы в двух школах (общеобразовательной и художественной) и поступления в институт. Но на этом её театральная карьера не закончилась... Вскоре её пригласили в Омский драматический театр «Галёрка», где она проработала два года. Сыграла в спектакле по пьесе А. Чехова Войницкую, в спектакле по пьесе Б. Шоу миссис Хиггинс, Бабу-ягу в «Новогодней сказке».

Помню, у бабушки жила кошка, звали её Маргоша. Она была маленькая, пушистая. Встретила я её на ипподроме, когда мне было лет 17. Мы с Юлей М. зашли в конюшню, там была комната и кошка с маленькими котятками, кажется, им и месяца не было от роду. Мы присели на корточки и начали их разглядывать. Один котёнок полез ко мне, долго ластился. Было очень душевно. Через некоторое время мы ушли из конюшни, но мысль, что это мой котёнок, меня не покидала, и я вернулась.

Маргоша прожила 21 год. Бабушка её очень любила, да и вообще животных. Когда кошка умирала, бабушке было 88. Глядя на Маргошу, она сказала: «Ну, вот и мне пора». Но прошёл ещё целый год.

Бабушка и её любимый брат Лёва ушли из жизни почти одновременно: брат 5 июля, а бабушка 16 июля 2012 г. 15-го числа её

увезли в больницу. Как всегда, она ярко и много рассказывала в палате разные истории. А рано утром вышла в коридор... И больше не вернулась... Когда мама пришла за вещами, в палате даже не поверили, что бабушки уже нет.

Первое время она мне часто снилась. «Ты не волнуйся, у меня здесь хорошая компания». Бабушка в своём коротком светлом плащике и клетчатой юбке прогуливалась по центральной аллее кладбища. В другой раз приснилось, что она сидит дома на своем любимом кресле, выпрямив ноги и положив их на возвышение, чтоб не сильно затекали, как всегда любила. «Бабушка!» – громко крикнула я. Бабушка, повернувшись ко мне, сказала: «Не волнуйся, меня никто не видит, я пришла помыться, а то очень уж там грязно».

В третий раз мне приснилось, что она перебирает детские игрушки в высокой цилиндрической тряпичной корзине на улице около какого-то магазина, я подбежала к

ней, крепко обняла, а она и говорит: «Не обнимай сильно крепко, а то я сразу исчезну».

Свои воспоминания я хочу завершить размышлениями бабушки, думаю, они будут близки многим. Она считала, что в любом большом сложном деле порой лучше начать с маленьких шагов, маленьких дел, которые даже на первый взгляд не относятся по существу к нему. Не страшно разочароваться в человеке, интереснее понять, как работает его машина – сознание. Понять, принять и решить, нужно ли с этим человеком тебе варить кашу. Много интересных людей, с разными точками зрения. Но, как драгоценные крупы, мы в жизни собираем вокруг себя тех, кто нам дорог, кто, как и мы, дышит одним воздухом и видит мир через похожие призмы, кристаллы, очки, «слеппен из подобного мяса». Хорошо, если в конце жизни ты сможешь о пятерых таких людях вспомнить, больше вряд ли получится.

Бабушка, мы тебя любим и помним!